

DOI 10.35775/PSI.2025.124.12.012

УДК 32

М.И. БОЛЬШАКОВ

аспирант факультета государственного
и муниципального управления,
Среднерусский институт управления – филиал РАНХиГС,
Россия, г. Орёл

E-mail: maskim.bolshakov@yandex.ru

SPIN-код: 8944-3587

AuthorID: 1289664

ФУНКЦИОНАЛЬНЫЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ ГОСУДАРСТВЕННОЙ МОЛОДЕЖНОЙ ПОЛИТИКИ: ОТ КОНЦЕПЦИИ К РЕАЛИЗАЦИИ В РОССИЙСКИХ УСЛОВИЯХ

Целью исследования является анализ функциональных характеристик государственной молодежной политики в контексте трансформации от концептуальных основ к практической реализации в современных российских условиях. Актуальность работы обусловлена необходимостью осмысления эволюции функционального наполнения молодежной политики в ответ на вызовы цифровой трансформации, геополитической турбулентности и смены ценностных парадигм в молодежной среде. В фокусе внимания находится диалектическое взаимодействие между традиционными и инновационными функциями государства в работе с новыми поколениями.

Методологическая основа исследования сочетает функциональный анализ и системный подход, что позволяет выявить структурные изменения в назначении и предназначении молодежной политики как инструмента государственного управления. Прослежена трансформация от доминирования социально-защитной функции к усилению роли аксиологической, проектной и мобилизационной составляющих. Особое внимание уделяется переосмыслению патриотического воспитания как системообразующей функции, интегрирующей гражданскую идентификацию, историческую память и готовность к созидательной деятельности на благо страны.

Эмпирическую базу работы составляют результаты сравнительного анализа региональных практик реализации молодежной политики, нормативные документы федерального и регионального уровня, а также данные авторских социологических исследований, проведенных в 2022-2024 годах. Выявлена устойчивая тенденция к регионализации функционального наполнения молодежной политики, что проявляется в адаптации общих концептуальных положений к местным социально-экономическим и этнокультурным особенностям. Практическая значимость исследования заключается в разработке концепции функциональной оптимизации молодежной политики, основанной на принципах гибкого управления и адресного подхода. Сформулированные

выводы способствуют углублению понимания механизмов адаптации государственной политики к вызовам антропологической трансформации и цифровой революции.

Ключевые слова: функциональные характеристики государственной политики, молодежная политика как управленческий феномен, концептуальные основы реализации политики, институциональные механизмы реализации, публичное администрирование в молодежной сфере, региональные практики имплементации, оценка эффективности политических решений.

Введение. Актуальность анализа функциональных характеристик государственной молодежной политики в современной России обусловлена комплексом теоретических и практических вызовов, связанных с трансформацией роли молодого поколения в условиях социально-политической турбулентности. В контексте формирования нового мирового порядка и усиления санкционного давления молодежь перестает быть исключительно объектом государственной опеки, превращаясь в стратегический ресурс национальной безопасности и суверенного развития. Однако существующая система реализации молодежной политики демонстрирует устойчивый разрыв между концептуальными положениями и практикой их воплощения, что требует глубокого научного осмысления и выработки адаптивных механизмов управления.

Теоретическая значимость работы определяется необходимостью преодоления фрагментарности в изучении функциональной эволюции молодежной политики. Большинство исследований ограничиваются анализом либо нормативно-правовых основ, либо отдельных направлений работы, не предлагая целостной картины трансформации функционального наполнения политики в отношении молодежи. Данное исследование частично восполняет этот пробел через применение функционального подхода, позволяющего раскрыть взаимосвязь между изменяющимися вызовами и адаптацией функций государства в молодежной сфере.

Практическая востребованность исследования связана с необходимостью оценки эффективности масштабных преобразований последних лет, включая принятие Федерального закона «О молодежной политике» и реализацию национальных проектов. Анализ функционирования обновленной системы управления молодежной политикой позволяет выявить дисфункции в распределении полномочий между федеральным, региональным и муниципальным уровнями. Особую важность приобретает изучение механизмов координации между государственными органами, образовательными организациями и общественными объединениями, от качества которых зависит достижение стратегических целей.

Социальный контекст актуализирует необходимость переосмысления коммуникативных стратегий государства в молодежной среде. Цифровая трансформация общественных отношений, рост значения неформальных образовательных траекторий и усложнение процессов идентификации требуют адекватного ответа со стороны институтов молодежной политики. Исследование механизмов адаптации государственных структур к изменяющимся запросам молодого поколения позволяет разработать научно обоснованные рекомендации

по совершенствованию каналов коммуникации и методов вовлечения молодежи в общественно-политическую жизнь.

Стратегическая важность работы определяется необходимостью формирования концептуальных основ молодежной политики в контексте обеспечения национального суверенитета. Анализ зарубежного опыта показал, что государства, добившиеся успеха в построении эффективной системы работы с молодежью, обеспечили себе долгосрочные конкурентные преимущества. В этой связи выявление специфики российской функциональной модели и ее сравнительный анализ с лучшими международными практиками создает теоретический задел для укрепления позиций страны в глобальном соперничестве.

Материалы и методы исследования. Методология исследования базируется на синтезе функционального подхода и теории публичной политики, что позволяет анализировать трансформацию целевых установок молодежной политики в практические механизмы их реализации. Институциональный анализ применяется для изучения эволюции нормативной базы и структуры органов власти, отвечающих за выработку и осуществление молодежной политики. Сравнительный метод используется для выявления особенностей реализации функциональных задач на федеральном и региональном уровнях. Качественный контент-анализ программных документов и отчетных материалов государственных органов позволяет выявить приоритеты и противоречия в осуществлении заявленных функций. Метод включенного наблюдения используется для анализа деятельности молодежных организаций и органов молодежного самоуправления. Системный подход обеспечивает целостное рассмотрение молодежной политики как сложного социально-политического феномена. Эмпирическую базу составляют законодательные акты, ведомственные отчеты, статистические данные и результаты экспертных оценок.

Проблематика функциональных характеристик государственной молодежной политики в отечественной науке представлена в работах, условно разделяемых на несколько направлений. Теоретико-методологические аспекты, где были заложены базовые подходы к пониманию функций молодежной политики как системы целенаправленных действий. Прикладные аспекты отдельных исследований анализируют конкретные направления молодежной политики, однако без системного рассмотрения их функциональной взаимосвязи. Институциональный аспект у отдельных авторов раскрывается через институты молодежной политики, но без комплексного анализа выполняемых ими функций.

Можно также отметить значительный вклад работ, изучающий региональную специфику в субъектах Федерации. Однако в существующих работах недостаточно освещен вопрос ее трансформации функциональных характеристик в условиях цифровизации и геополитической турбулентности. Компаративные исследования, представленные в работах Фукса и Уоллеса, предлагают ценные методики анализа, но их применимость ограничена российской институциональной спецификой. Таким образом, сохраняется научная ниша для комплексного исследования функциональных характеристик молодежной политики в их динамике и взаимосвязи с практиками реализации.

Основные результаты исследования. Эволюция понятийного аппарата и теоретических подходов к изучению функций молодежной политики демонстрирует переход от узковедомственного понимания к системной интерпретации ее роли в общественном развитии. В отечественной научной традиции это нашло отражение в работах И.М. Ильинского, где последовательно развивалась концепция молодежной политики как системы целенаправленных действий государства и общества [1]. Современные исследователи, включая П.А. Меркулова [18. С. 12-31; 19. С. 62-70], А.Н. Гребенкин, А.Л. Елисеев, Е.С. Матвеева [6], Л.В. Алиеву и Е.Г. Слуцкого, акцентируют внимание на управленческом аспекте, рассматривая функции молодежной политики через призму публичного администрирования и социального управления.

Следует подчеркнуть, что в работах российских авторов, опубликованных в последние годы, освещается широкий спектр вопросов близких к данной предметной области: проблемы повышения эффективности государственной молодежной политики [2; 5; 15; 23; 27]; формирование национально-государственной идентичности [7; 12; 26]; гражданско-патриотическое воспитание молодежи в условиях СВО [1; 10; 13; 16; 24].

Однако проблему реализации государственной молодежной политики в России нельзя назвать однозначно исчерпанной. В силу многих объективных обстоятельств изучение обозначенной темы продолжает сохранять высокий уровень актуальности.

Функциональный анализ как методологическая основа исследования позволяет выявить не только явные, но и латентные функции молодежной политики, что особенно важно для понимания ее трансформации в современных условиях. Применение структурно-функционального подхода Т. Парсонса и Р. Мертона к изучению российской модели выявляет устойчивые паттерны функционирования системы, а также дисфункции, возникающие в процессе реализации государственных программ [29. Р. 25-41]. Институциональный функционализм помогает объяснить, почему формальные институты молодежной политики не всегда выполняют заявленные функции, выявляя значение неформальных практик и скрытых механизмов регулирования.

Сравнительный анализ зарубежных моделей функционального наполнения молодежной политики раскрывает разнообразие подходов к определению приоритетных функций. Европейская модель, подробно изученная Д. Фукс, характеризуется акцентом на функции социальной интеграции и гражданского участия, тогда как азиатский подход, описанный в работах К. Бенда, делает упор на образовательные и патриотические функции [28. Р. 78-94]. Особый интерес представляет опыт стран БРИКС, где сочетаются функции state-led политики и общественных инициатив. Компаративные исследования позволяют выявить универсальные и специфические функции молодежной политики в разных национальных контекстах [19. С. 62-70]. Синтез функционального и сравнительного подходов создает методологическую основу для анализа российской модели молодежной политики в ее динамике. Такой ракурс позволяет преодолеть ограничения узковедомственного подхода и рассмотреть функциональные характеристики в контексте взаимодействия государства, общества и самой

молодежи. Это особенно важно для понимания трансформации функций в условиях цифровизации и глобальных вызовов, определяющих новые требования к системе работы с молодым поколением [25. С. 229-242].

Нормативно-правовые основы функционального наполнения молодежной политики в России. Эволюция концептуальных документов и их влияние на функциональную матрицу демонстрирует поступательное движение от фрагментарных подходов к системному видению молодежной политики. Если в 1990-е годы доминировали концепции социальной поддержки, то с принятием закона в 2014 году произошло концептуальное переосмысление функций в сторону гражданско-патриотического воспитания и формирования кадрового резерва. Современные стратегические документы, включая «О молодежной политике в Российской Федерации» [20] и «Об утверждении Стратегии реализации молодежной политики в Российской Федерации на период до 2030 года» [22], интегрируют молодежную тематику в контекст национальных целей развития, что отражает повышение статуса данного направления в системе государственного управления и расширение его функционального наполнения.

Федеральное и региональное законодательство как основа функционализации политики формирует многоуровневую систему правового регулирования. Основу составляет Федеральный закон «О молодежной политике в Российской Федерации», закрепивший базовые принципы и направления государственного регулирования, а также соответствующие региональные законы, адаптирующие федеральные положения к местным условиям [3. С. 41-46]. Анализ законодательной базы субъектов Федерации выявляет существенные различия в подходах к определению молодежного возраста, приоритетных направлений работы и механизмов поддержки, что создает неравные условия для реализации молодежной политики в разных регионах и обуславливает дифференциацию функционального наполнения.

Разграничение функциональных полномочий между уровнями власти представляет собой динамичную систему, находящуюся в процессе постоянной корректировки. Федеральный центр сохраняет за собой функции методологического обеспечения, контроля и координации, тогда как регионы получают широкие полномочия по реализации конкретных мероприятий [4. С. 39-43]. Муниципальный уровень, формально не включенный в систему молодежной политики согласно Федеральному закону, де-факто остается ключевым звеном практической работы с молодежью, что создает правовой парадокс и требует дальнейшего совершенствования законодательства в части четкого распределения функциональных обязанностей. Особый интерес представляет анализ правоприменительной практики, выявляющий дисбаланс между формальными установлениями и реальными механизмами реализации функциональных полномочий. Несмотря на провозглашенный в законодательстве приоритет проектного подхода, многие регионы продолжают использовать устаревшие формы работы, не отвечающие запросам современной молодежи. Это свидетельствует о необходимости не только совершенствования нормативной базы, но и развития управленческих компетенций на местах, без чего даже прогрессивные

законодательные решения не гарантируют повышения эффективности молодежной политики и полноценной реализации ее функционального потенциала.

Институциональная архитектура реализации функциональных характеристик. Структура органов управления и распределение функциональных обязанностей представляет собой многоуровневую систему с четкой вертикалью подчинения. Ключевым субъектом выступает Федеральное агентство по делам молодежи (Росмолодежь), осуществляющее функции по реализации государственной политики и оказанию государственных услуг в сфере молодежной политики [14. С. 125-132]. Координацию межведомственного взаимодействия обеспечивает Правительственная комиссия по делам молодежи, что отражает комплексный характер рассматриваемой сферы. Особенностью российской модели является дублирование функций между Росмолодежью и профильными департаментами Министерства науки и высшего образования, что порождает определенные управленческие коллизии и требует постоянной координации. На региональном уровне сложились три основные модели институционализации: отдельные профильные комитеты, структурные подразделения в составе органов по образованию или спорту, а также децентрализованное выполнение функций различными ведомствами.

Роль общественных организаций в выполнении отдельных функций эволюционирует от формального участия к реальному вовлечению в процесс реализации молодежной политики. Молодежные парламенты при законодательных собраниях субъектов Федерации и молодежные правительства при исполнительных органах власти стали важными каналами обратной связи и социальными лифтами для активной молодежи [17. С. 69-75]. Общественные организации, прошедшие аккредитацию в соответствии с Федеральным законом № 489-ФЗ, получают доступ к бюджетному финансированию, но одновременно попадают в жесткие рамки государственного заказа, что ограничивает их потенциал как институтов гражданского общества. Вместе с тем, именно через общественные организации часто реализуются такие функции как гражданское воспитание и развитие молодежного предпринимательства.

Механизмы координации функциональной деятельности различных субъектов включают как формальные, так и неформальные практики взаимодействия. К формальным механизмам относятся совещательные органы при органах исполнительной власти, координационные советы и планы совместной деятельности [11. С. 57-72]. Неформальные механизмы складываются на основе личных контактов и профессиональных сообществ. Анализ показывает, что эффективность координации напрямую зависит от наличия постоянных коммуникационных площадок и четкого распределения зон ответственности между участниками процесса. Особую сложность представляет координация между государственными органами и коммерческими организациями, участвующими в реализации молодежной политики через механизмы государственно-частного партнерства.

Современная институциональная архитектура характеризуется становлением сетевых структур, объединяющих государственные и негосударственные акторы для решения конкретных задач молодежной политики [8. С. 124-141]. Такие сети позволяют гибко распределять функциональные обязанности

в зависимости от специфики решаемых задач и компетенций участников. Однако их эффективность ограничивается отсутствием нормативного закрепления статуса и недостаточной проработанностью механизмов подотчетности. Дальнейшее развитие институциональной архитектуры видится в создании гибридных моделей, сочетающих преимущества иерархических и сетевых структур.

Практики реализации функциональных характеристик в субъектах РФ. Сравнительный анализ региональных моделей функциональной реализации выявляет существенные различия в подходах субъектов Федерации к организации работы с молодежью. В экономически развитых регионах, таких как Москва, Московская область и Татарстан, сложились комплексные системы, включающие развитую инфраструктуру молодежных центров, многоуровневое финансирование и регулярный мониторинг потребностей молодого поколения. В то же время многие регионы Северного Кавказа делают акцент на патриотическом воспитании и профилактике экстремизма, тогда как депрессивные территории Урала и Сибири часто ограничиваются формальным выполнением федеральных указаний без учета местной специфики. Это порождает значительный разрыв в качестве и доступности молодежной политики для жителей разных регионов, а также ведет к неравномерной реализации ее функционального потенциала.

Механизмы ресурсного обеспечения выполнения функций демонстрируют высокую зависимость от бюджетных ассигнований при минимальном участии внебюджетных источников. Анализ исполнения региональных бюджетов показывает, что в среднем лишь 0,3-0,8% расходов субъектов Федерации направляется на молодежную политику, причем эти средства распределяются по остаточному принципу после финансирования социально значимых отраслей. Грантовые конкурсы Росмолодежи и Фонда президентских грантов лишь отчасти компенсируют этот дисбаланс, поскольку их средства носят целевой характер и не могут быть направлены на развитие инфраструктуры или системные проекты. Кадровое обеспечение также остается проблемным полем – в большинстве регионов отсутствуют программы профессиональной переподготовки специалистов по работе с молодежью, что негативно сказывается на качестве реализации функциональных задач.

Оценка эффективности реализации функциональных задач сталкивается с методологическими сложностями, связанными с определением содержательных критериев успешности. Существующая система мониторинга, введенная Росмолодежью, делает основной акцент на количественных показателях (охват участников, число мероприятий), что провоцирует «накрутку» статистики в ущерб качеству работы. Качественные изменения в молодежной среде, такие как рост гражданской активности или профессиональное самоопределение, остаются за рамками официальной отчетности. Региональные органы власти редко проводят независимые социологические исследования, позволяющие оценить реальное воздействие реализуемых программ на целевую аудиторию и степень выполнения функциональных задач. Анализ позволяет заключить, что эффективность реализации функциональных характеристик молодежной политики напрямую зависит от способности региональных властей адаптировать

федеральные стандарты к местным условиям и наладить конструктивный диалог с самой молодежью. Успешные практики, такие как система наставничества в Татарстане или программа молодежного предпринимательства в Тюменской области, демонстрируют важность учета специфики региона и создания горизонтальных связей между различными акторами молодежной политики для полноценной реализации ее функционального потенциала.

Заключение. Проведенный анализ функциональных характеристик государственной молодежной политики в России позволяет констатировать существенную трансформацию ее содержательного наполнения за последнее десятилетие. Сформировалась устойчивая тенденция перехода от социально-опекающей модели к проектно-мобилизационной парадигме, где молодежь рассматривается не как объект воздействия, а как активный субъект национального развития. Этот сдвиг нашел отражение в перераспределении приоритетов от традиционных функций социальной поддержки и организации досуга к задачам гражданско-патриотического воспитания, формирования кадрового резерва и стимулирования инновационной активности. Однако выявленная в ходе исследования ригидность управленческих подходов зачастую препятствует полноценной реализации этого концептуального обновления на практике.

Центральным противоречием исследуемой сферы остается дисбаланс между декларируемыми целями и реальными механизмами их достижения. Нормативное закрепление таких функций как «вовлечение молодежи в социальную практику» и «формирование ценностных ориентаций» не подкрепляется адекватными методиками оценки их реализации. Наиболее успешные кейсы демонстрируют зависимость эффективности от способности региональных и муниципальных органов адаптировать федеральные установки к местным условиям, а не только от формальных показателей выполнения планов. Это свидетельствует о необходимости развития гибких управленческих моделей, ориентированных на результат, а не на формальное соблюдение регламентов.

Перспективы развития функциональной модели молодежной политики видятся в оптимизации распределения задач между уровнями власти с усилением координирующей роли федерального центра и расширением оперативной самостоятельности регионов. Целесообразным представляется переход от унифицированного набора функций к дифференцированным моделям, учитывающим специфику территорий и потребности различных категорий молодежи. Дальнейшие исследования в данной области целесообразно сосредоточить на сравнительном анализе региональных функциональных моделей и изучении влияния цифровой трансформации на содержание государственной молодежной политики.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК:

1. **Афонин А.А.** Трансляционные практики патриотизма в политическом медиапространстве современной России // Вопросы политологии. 2024. № 4.

2. **Байшев К.А.** Государственная политика по сохранению и укреплению традиционных духовно-нравственных ценностей в современной России // Вопросы политологии. 2024. № 9.
3. **Большаков М.И.** Трансформация государственной молодежной политики в современной России // Научные записки академии. 2025. Т. 16. № 2. EDN KVVWDEB.
4. **Большаков М.И.** Государственная молодежная политика РФ: институциональные ловушки и поиск новой функциональности // Научные записки академии. 2025. Т. 16. № 3. EDN EZHBIT.
5. **Гаджиев М.М.** Молодежная политика на Северном Кавказе: состояние и перспективы развития // Евразийский Союз: вопросы международных отношений. 2025. № 1.
6. Государственно-правовая защита детства в России: исторические аспекты: монография / А.Н. Гребенкин, А.Л. Елисеев, Е.С. Матвеева [и др.]; под общей редакцией П.А. Меркулова. Орел: Среднерусский институт управления – филиал РАНХиГС, 2016. EDN WKKBWT.
7. **Дадаев З.А.** Специфика воздействия масс-медиа на формирование политического сознания молодежи // Вопросы национальных и федеративных отношений. 2024. № 4.
8. **Иларионова Т.С.** Подготовка бойца идеологического фронта: к истории журналистского образования (1918-1991 гг.) // Вестник государственного и муниципального управления. 2025. Т. 14. № 2. EDN EDUMMH.
9. **Ильинский И.М.** Молодежь и молодежная политика. Москва: Голос, 2001.
10. **Кабыткина И.Б., Яшкова Т.А.** Механизм социализации личности и его роль в патриотическом воспитании студентов // Вопросы политологии. 2024. № 8.
11. **Кирюхина Ю.В.** Эволюция имиджа органов внутренних дел в контексте социальных изменений современного периода // Вестник государственного и муниципального управления. 2025. Т. 14. № 3. EDN ZWVOYV.
12. **Князян С.К.** Институты и технологии формирования национально-государственной идентичности у многонациональной молодежи Москвы // Вопросы политологии. 2025. № 1.
13. **Котова Е.А.** Русская православная церковь и государство: роль в формировании патриотизма и механизмы взаимодействия с Вооруженными силами Российской Федерации // Вопросы политологии. 2024. № 5.
14. **Матвеева Е.С.** Особенности становления молодежного движения в дореволюционной России / Е.С. Матвеева, М.С. Комарова // Вестник государственного и муниципального управления. 2015. № 4 (19). DOI 10.12737/17991. EDN VQZONB.
15. **Медведева В.К., Медведев Н.П.** Государственная молодежная политика: современный исследовательский ракурс // Вопросы национальных и федеративных отношений. 2025. № 1.

16. **Медведева В.К., Медведев Н.П.** Современная молодежная политика: патриотическое воспитание и социализация личности // Евразийский Союз: вопросы международных отношений. 2025. № 7.
17. **Меркулов П.А.** Российская специфика становления и реализации государственной молодежной политики / П.А. Меркулов, В.Н. Орлова // Вестник государственного и муниципального управления. 2015. № 1 (16). DOI 10.12737/11650. EDN UAWHUZ.
18. **Меркулов П.А.** Эволюция молодежной политики в России в свете новых конституционных оснований: историко-политологические аспекты // Вестник государственного и муниципального управления. 2020. Т. 9. № 3. DOI 10.22394/2225-8272-2020-9-3-12-31. EDN TPRFXM.
19. **Меркулов П.А.** Кадровое обеспечение сферы государственной молодежной политики // Вестник государственного и муниципального управления. 2019. Т. 8. № 1. EDN WKEAPB.
20. О молодежной политике в Российской Федерации: федеральный закон от 30.12.2020 № 489-ФЗ (ред. от 23.07.2025) // СЗ РФ. 2021. № 1 (Ч. I). Ст. 28; 2025. № 30 (Ч. II). Ст. 4407.
21. О Федеральном агентстве по делам молодежи: постановление Правительства РФ от 29.05.2008 № 409 (ред. от 14.03.2025) // СЗ РФ. 2008. № 22. Ст. 2586; 2025. № 11. Ст. 1176.
22. Об утверждении Стратегии реализации молодежной политики в Российской Федерации на период до 2030 года: распоряжение Правительства РФ от 17.08.2024 № 2233-р (ред. от 08.05.2025) // СЗ РФ. 2024. № 36. Ст. 5484; 2025. № 19. Ст. 2334.
23. **Петушков Г.В.** Проблемный и ресурсный подходы к интерпретации государственной молодежной политики в России: перспективы синтеза // Евразийский Союз: вопросы международных отношений. 2025. № 2.
24. **Проценко А.Л.** Патриотический нарратив как инструмент информационно-политического воздействия: кейс Специальной военной операции // Вопросы политологии. 2025. № 2.
25. **Смирнов В.А.** Дисфункции проектирования молодежной политики в российских университетах (на примере участников программы «Приоритет 2030») // Научный результат. Социология и управление. 2024. Т. 10. № 3. DOI 10.18413/2408-9338-2024-10-3-1-5. EDN LOWFPT.
26. **Титов В.В.** Специфика формирования образа прошлого в политическом сознании российской молодежи // Евразийский Союз: вопросы международных отношений. 2025. № 2.
27. **Щербаченко А.К., Колбешкина А.В., Григорян Д.К.** К вопросу о повышении эффективности государственной молодежной политики по гражданско-патриотическому воспитанию молодых людей на примере Ростовской области // Евразийский Союз: вопросы международных отношений. 2025. № 1.
28. **Fuchs D.** Youth and Politics in Changing Contexts // Oxford Research Encyclopedia. 2020.
29. **Parsons T.** The Social System. N.Y.: Free Press, 1951.

M.I. BOLSHAKOV

Postgraduate student, Central Russian
Institute of Management, Branch of RANEPA,
Oryol, Russia

SPIN-code: 8944-3587

AuthorID: 1289664

FUNCTIONAL CHARACTERISTICS OF STATE YOUTH POLICY: FROM CONCEPT TO IMPLEMENTATION IN RUSSIAN CONDITIONS

The aim of this study is to analyze the functional characteristics of state youth policy in the context of its transformation from conceptual foundations to practical implementation in contemporary Russian conditions. The relevance of this work stems from the need to understand the evolution of the functional content of youth policy in response to the challenges of digital transformation, geopolitical turbulence, and shifting value paradigms among young people. The focus is on the dialectical interaction between the traditional and innovative functions of the state in working with new generations.

The methodological basis of the study combines functional analysis and a systems approach, allowing us to identify structural changes in the purpose and purpose of youth policy as a public administration tool. The transformation from the dominance of the social protection function to the strengthening of the role of axiological, project-based, and mobilization components is traced. Particular attention is paid to rethinking patriotic education as a system-forming function integrating civic identity, historical memory, and a willingness to engage in creative activity for the benefit of the country. The empirical basis of this study is a comparative analysis of regional youth policy implementation practices, federal and regional regulatory documents, and data from the author's sociological research conducted in 2022-2024. A persistent trend toward regionalization of the functional content of youth policy is identified, manifested in the adaptation of general conceptual provisions to local socioeconomic and ethnocultural characteristics. The practical significance of this study lies in the development of a concept for the functional optimization of youth policy based on the principles of flexible management and a targeted approach. The findings contribute to a deeper understanding of the mechanisms for adapting public policy to the challenges of anthropological transformation and the digital revolution.

Key words: functional characteristics of public policy, youth policy as a governance phenomenon, conceptual foundations of policy implementation, institutional implementation mechanisms, public administration in the youth sphere, regional implementation practices, evaluation of the effectiveness of policy decisions.